

Юрий Андреевич Адрианов за свою творческую жизнь успел написать большое количество сборников замечательных стихов, выпустить несколько книг литературных портретов, лирических дневников, исторических и краеведческих исследований. Он автор неподдающихся никакому учету очерков, статей, рецензий, заметок, откликов, опубликованных как в нижегородской, так и в центральной прессе. И все-таки слишком многое из задуманного осталось невыполненным. Одна из таких неоконченных работ — книга воспоминаний «Память Дятловых гор». Но мы решили ее продолжить. Отныне под этим заголовком мы будем публиковать документы и работы из архива писателя, касающиеся его биографии. Сегодня первая из таких публикаций. Это письма известного советского поэта Всеволода Рождественского по поводу готовящейся в печать подборки стихов Адрианова, которые затем появились в журнале «Нева» за 1977 год. Автор публикации — вдова поэта Наталья Адрианова.

Валерий Сдобняков

Первое письмо Всеволоду Рождественскому Юра написал в 1976 г. Как он говорил, оно было по-юношески восторженным. Ответ от поэта пришел вскоре. Оказалось, Всеволод Александрович еще до полученного от Юры письма обратил внимание на его публикацию в «Литературной России», которая ему очень понравилась.

В тот год у Юры был второй перелом ноги. В 1977 году летом умерла мама, а следом за ней и бабушка.

К сожалению, переписка с В.А. Рождественским была недолгой. В августе 1977 г. Рождественский умер. На его уход из жизни Юрий Андреевич откликнулся стихами.

Н. Адрианова

Всеволод Рождественский

От суеты и шума независим,
Он был певцом российской синевы.
Я ждал его подробных частных писем
С поклоном Волге от берегов Невы.
Он выстрадал поэта путь-дорогу,
Был летописцем века каждый миг —
Есенина приятель, крестник Блока
И Горького в работе ученик.
Ряды прямые твёрдых, строгих строчек,
Как истинность прожитых честно лет...
И я любил, где в письмах «между прочим»
Воспоминанье, замысел, совет.

*Где вновь вставали с юным поколеньем
И Царское Село, и Петроград.
Звенели строфы — звенья поколений,
Когда поэт поэту как собрат...
Тревожно видя времени сполохи,
Он подарил нам страстность Беранже...
Содружественность пушкинской эпохе
Жила в стихах, и в письмах, и в душе.*

1977 год

20 сен. 1976 г.

Уважаемый Юрий Андреевич!

Вы очень тронули меня своим дружественным письмом. За его строчками почувствовалось мне и уважение к нашей вековой русской культуре и, по-видимому, общность наших интересов в области поэтического слова. К глубоко моему сожалению, Ваши книги не приходили ко мне в руки. И потому у меня просьба: пришлите какую-либо из них. Понимаю по собственному опыту, что автору не так легко это сделать. Все возможности бывают исчерпаны много раньше, чем минует потребность. Но всё же... Напишите, что у Вас есть из моих сборников, кроме «Доброго дня». Быть может, я отыщу что-либо для Вас из давних запасов.

Кстати, знаете ли Вы мой двухтомник, выпущенный из-вом «Художественная литература» в 1974 г.: I том — стихи, II том — проза. .

И ещё одна просьба: напишите два слова о себе: что Вы вообще делаете в жизни, какая у Вас семья. Что у Вас с ногою?.. Мне в моём почтенном возрасте позволительно такое любопытство по отношению к человеку, тронувшему меня искренностью и сердечностью обращённого ко мне слова. Всего Вам доброго.

С ленинградским приветом
Вс. Рождественский

28.X.1976 г.

Дорогой Юрий Андреевич! (Позвольте Вас так назвать — по родству муз.) Несколько освободясь от всех неизбежных дел и забот, я внимательно — и с большим удовольствием! — прочитал присланные Вами книги. Добротная русская стихотворная речь! И, конечно же, самое прямое отношение её к истинной Поэзии!

Должен вам сказать, что встреча с Вашими стихами была для меня счастливой находкой. Не часто такое бывает... Книги Ваши долго лежали у меня на столе, я неоднократно к ним возвращался. И вот мои предпочтения. Выписываю их как криптограммы, отметив страницы: «Керженец»: 10, 12, 18, (20), 25, 26-34, 51, 68, 70, 72, 74, 76, 78, 80, (82), 86, 89, 91, 93, 98. (И в пропущенном есть хорошее, верное по тону, по некоторым деталям, новое по самой теме. А в скобки поставлено то, что почти запомнилось наизусть.)

«Братина» 17, 19, 32, 45, 46, 49, 50, 55, 57, 61, 66, 73 (и дальнейшее, связанное с Волгой) 99, 112, (117), 128, (133), (134).

«Разлука в пути» — 8, 13, (15), 20, 27, (29), 32, 33, 41, 57, 64, 67, 74, 82, 83, (90), 93, 99, (101).

Отмечено много, но это мой личный отбор, с которым можно и не соглашаться. Я всё же был пристрастен — и к близкой мне русской теме, и к некоторым, приятным для меня особенностям самой стиховой ткани. Сыграло и свою роль невольное совпадение некоторых тематических мотивов.

А в общем мне так полюбилось то, что вы пишете, что я, опираясь на свой многолетний опыт, рискну дать вам несколько советов, будучи убеждён, что Вы на меня за это не посетуете. Знаете, какие нам всем грозят опасности? Я сталкивался с ними неоднократно, да и сейчас не могу считать себя от них свободным. Первая из них — неумеренная

описательность. Начав, трудно остановиться. Всё одинаково кажется важным, и теряется чувство центра, самого главного в развитии стихотворения. И отсюда — длинноты. Вторая — поучительность, особенно опасна, когда роль идёт об истинах, и без того ясных, не нуждающихся в доказательстве. И, наконец, третья — самая коварная — неверно взятая с самого начала авторская интонация, либо чрезмерно спокойная, либо неумеренно патетическая. Но Вам часто удаётся этого избежать.

Мне приятно было узнать, что у Вас есть кое-что из моих книг. Но боюсь, прежние сборники не удастся обнаружить и в вашей городской библиотеке — всё это выходило малым тиражом и в давние времена. Иное дело двухтомное собрание (стихи и проза). Это сравнительно недавнее издание — 1974 г. Но я думаю — у меня скоро будет возможность послать Вам новую свою книгу «Лицом к заре» — уже есть «личная». Правда, большая часть стихов прошла в толстых журналах Ленинграда и Москвы за последние три года.

Спасибо за сведения о себе. Мне нравится, что Вы такой убежденный волгарь. Я тоже не мыслю себя без родного города на Неве и Тихвинских лесных мест, куда уходят мои родовые корни. И вообще я в родстве с нашим ближним Севером, с его природой, хотя поездил немало по нашему Югу и Ср. Азии. А свои фронтовые годы провёл на Ленинградском, Волховском и Карельском фронтах. Шлю Вам привет с берегов моей Невы и желаю скорейшего выздоровления.

Вс. Рождественский.

14 ноября 1976 г.

Сложное дело, милый Юрий Андреевич, составлять свод из нескольких своих сборников для нового издания! Многим приходится жертвовать — порою с болью сердца, а порою добиваться лучшего там, где, казалось бы, всё завершено. Мне уже не раз приходилось сталкиваться с такой задачей. И совсем недавно, когда надо было определять содержание 1 (стихотворного) тома в двухтомнике 1974 года.

Я рад, что Вы откликнулись на три мои совета, на три, подстерегающих всех нас, опасности. Я позволил их дать Вам только потому, что в основном стихи Ваши на верном пути. Невольно вспомнился при этом один Флоберовский совет. Когда молодой Мопассан привозил своему уже многоопытному дяде свои первые рассказы, Флобер довольно резко их критиковал. А племянник работал, переделывал, переписывал и вновь приносил новые варианты на строгий суд. И вот наконец настал вожделенный день. Флобер прочёл рукопись и сказал: «Ну, вот, я вижу, что ты научился писать. Но умеешь ли ты сокращать?» Мне думается, всё это ещё в большей степени относится к стихам. Их нормальная сущность — предельная краткость — и в передаче содержания и даже в самом счёте строк. Идеальное положение: сказать многое в немногом, достичь результата минимальным количеством затраченных средств. Поэзия, как искусство, вся — в преодолении костного материала свежих впечатлений, их организация в ярком и выраженном облике. Разумеется, речь здесь идёт о чисто формальной стороне дела. Окончательное решение принадлежит чувству, но без должной формы не обойтись. Нужна не только воля к полёту, но и крылья для полёта.

Мне кажется, есть смысл подумать и о более простых вещах. О таком расположении состава, чтобы не создавалось впечатления некоторого однообразия в метрическом строе стихотворений, так же, как и в деле их содержания.

Бывают сложности и в хронологическом расположении материала. Одним словом, трудностей немало. Думайте об этом, не торопясь, и я желаю Вам успеха.

С ленинградским приветом. Вс. Рождественский

3 дек. 1976 г.

Дорогой Юрий Андреевич!

Я несколько задержался с ответом на Ваше письмо — было много очередных дел и забот. Вы хорошо написали о своих тревогах по составлению «Избранного». Авторская книга — дело сложное. Особенно, если уже прошло некоторое время... Мне это было труднее, чем поначалу я мог предполагать. Осложнялось всё это тем, что в своём долгом литературном труде я прошёл периоды весьма разнообразных литературных школ и влияний: от угнетённой поры через акмеизм (был когда-то членом «Цеха поэтов»), к реалистическому стиху нашей эпохи. Зная долгую полосу полнейшего «непризнания» в те годы, когда «чистая лирика» была не в почёте, период патриотического подъёма в свои фронтовые годы, время большой общественной работы и, наконец, возможность полной творческой свободы, когда самым верным становится только правда чувства и точность её воплощения.

И вот теперь, когда знаешь, что вся твоя духовная жизнь ушла в Поэзию за многие и многие годы, становится понятно, что всё слагалось звено к звену — со всеми подъёмами и спадами, что всё закономерно и обрело свою, вполне историческую значимость (не рискуя сказать — ценность). Из песни, как говорится, слова не выкинешь..

А вообще, отношение поэта к делу рук своих прекрасно выразил когда-то Иннокентий Анненский. Посылаю Вам для памяти эти примечательные стихи.

Всего Вам доброго на свете! Вс. Рождественский

Дорогой Юрий Андреевич!

Приятно было встретиться с Вами на одной странице №1 «Литературной России». Ваши поэтические очерки о Васильсурске, Макарьеве, Горбатове я оценил много заранее. С Новым 1977 годом!

Вс. Рождественский. **4 января 1977 г.**

19 января 1977 г.

Дорогой Юрий Андреевич!

Вполне понимаю Ваши горести и беды, мешающие целиком предаться любимому делу. Но всё проходит на свете, и надо только надеяться, что не задержится и всё плохое. Сразу же после знакомства с Вашими книгами мне хотелось сказать Вам, что мне особенно пришло по душе Ваша тематическая устремлённость ко всему национальному — русскому, к нашим дедовским-прадедовским корням. В строительстве своей новой культуры мы часто забываем об её основном начале, истоках всего сущего.

Правда, сейчас как будто спохватились, задумались об этом, но как-то пока однобоко, с какой-то поверхностно-туристской точки зрения. Это даже обидно, зачем в древнем Новгороде, в Кремле строить железобетонный ресторан с «боярским меню», с деревянными ложками и шитыми полотенцами, а Суздаль облекать — для иностранцев — в подобие раззолоченной конфетной обложки? Побольше бы давали средств на поддержку и реставрацию истинных сокровищ древнерусского зодчества!

Ваш интерес к славянофильской литературе теоретически мне понятен, хотя к самим писателям я равнодушен, может быть, и не справедливо. В чём-то, в глубинах существа, они были близки к исторической правде, беда только в том, что в пылу полемики их порою заносило куда-то далеко в сторону, в какой-то ненужный внешний «показ». Этим, по-моему, грешит и наш сегодняшний неославянофил Вл. Солоухин с его домашней рубахой в распояску, расписными ковшами и повешенными на стенку лаптями. Но, может быть, это злые московские языки — я у него дома не бывал.

Хороши у него «Владимирские просёлки», хорошо пишет он о грибах, но напрасно даёт советы по самодетальной разметке (?) старинных икон.

Я с нетерпением буду ждать Вашу книгу о горьковской старине. Ваши очерки о городах — ещё до премии — обратили на себя моё внимание. Да и не только моё. Надо заметить, что у нас в семье всегда было много внимания к русской старине. Обе мои дочери — древнерусницы. Одна работает в отделе древнерусской литературы в Пушкинском Доме у Д.С. Лихачёва, другая в Институте языкознания по составлению древне-русского словаря. Обе уже кандидаты наук. А жена моя в прошлом работник Русского Музея. Я же сам родовыми корнями глубоко ухожу в типичную разночинную среду, в свою очередь, вышедшую из «колокольного дворянства», т.е. из сельского — не городского — духовенства. По отцовской линии на какое-то весьма отдалённое родство с Глебом Успенским. А вместе с тем я и «западник», т.к. взращён петровским Петербургом и архитектурной классикой XVIII в. в Пушкинском Ц. Селе. Это двоединство Запада и Востока многое, конечно, определило и в моей поэзии. Ну, довольно о себе и о своём.

Когда будет возможность и желание, пишите!

Вс. Рождественский

9.02.1977 г

Дорогой Юрий Андреевич!

Как понимаю я Вашу неприязнь к модернизации в отечественно и западно-туристском отношении наших древнерусских городов — Суздаля, Ростова Великого и многого, много другого! По счастью, я видел в своё время в старом их облике и Переславль Залесский, и Ростов, и Суздаль, и Вологду, и Кириллов с Ферапонтовым, и наш Ладожский, Онежский, Беломорский север. Счастлив тем, что мои дочери, древнерусские по образованию, принимали участие и в фольклорных и в археологических экспедициях, что у них дома хранится несколько сотен много и ими снятых слайдов памятников древнерусского зодчества, что такой замечательный человек, как акад. Д.С. Лихачёв добрый знакомый и даже друг нашей семьи.

Обязательно надо с молодых лет всюду, где можно, побывать на родной русской земле, видеть её лицо и в древности и в настоящем, любить и хранить родной язык.

С первого же знакомства с Вашими книгами очень мне пришлось по душе их русская сущность — и в темах, и в речи. Всё это мне и родственно, и свойственно.

Мы в своём многонациональном Союзе то совсем забываем о родовых корнях нашей культуры, то, спохватываясь, начинаем вспоминать и запоздало реставрировать. И получается нечто вроде того, что заворачиваем древний Суздаль как конфетку в золотую бумажку для показа иностранцам. И надо нам учиться у малых народов нашей же страны оберегать и уважать своё прошлое, народное достояние своего искусства и культуры. Всё это, разумеется, общепонятные и общепризнанные истины. Но надо вспоминать о них чуть ли не на каждом шагу. Потому что ведь растёт поколение, которому некому будет и напомнить. Это грустные размышления, и с ними чем дальше в лес, тем больше дров, поэтому прерываю их в этом месте.

Как складывается Ваша жизнь, как с больной ногой? Отрезанность от внешнего мира тяжеловата, даже если она временна. Я тоже — уже в силу своего возраста — весьма ограничен в своих передвижениях, но всё же у меня есть редакция «Невы», где я бываю два раза в неделю, есть общение с разными людьми, есть переписка с такими читателями, которых я и в глаза никогда не видел — и это из самых разных концов большой нашей страны. Есть, наконец, книги, верные друзья на всю жизнь.

Я посылаю Вам ещё одну свою книжку, тоже недавно вышедшую. Это Детгизовский отбор из прежних моих сборников, сделанных не мной,

но довольно толково. Пусть она займёт своё место на Вашей книжной полке.

Привет Вам с берегов Невы.

Вс. Рождественский.

19 марта 1977 г

Дорогой Юрий Андреевич!

В суете текущих дел не сразу нашёл время написать Вам. Основное у меня сейчас — попытка написать вступительную статью о творчестве Марины Цветаевой для малой серии в «Библиотеке поэта». Это оказалось чрезвычайно трудным делом. По счастью, не торопят со сроками.

Я дней десять болел каким-то вариантом гриппа. Лишь недавно вернулся в редакцию «Невы», и мой помощник передал мне Ваши стихи. Я прочёл их с интересом. Хотелось бы напечатать, отведя Вам целую полосу. Но вот в чём неожиданная трудность, зависящая не от меня, конечно, а от главного редактора и его заместителя — высший наш арелопаг: После истории с №1 «Авроры» по всем журналам Ленинграда (а их всего-то три) пронеслась магнитная буря — пересмотр всего стихотворного материала — и при том, с большим пристрастием. Редакционное начальство стало в панике снимать весь «непроходной» материал будущих номеров, ссылаясь при этом на то, что год идёт юбилейный.

Всё же мне хотелось бы предложить Ваши стихи, но для верности их надо было бы подкрепить более выраженной современной темой, чтобы не было перевеса в сторону культуры прошлого. Вызывают опаску (не у меня) стихи о концерте Вертинского. Могут сказать: тема узкого временного характера, ныне уже отзвучавшая. Что же касается «Погони», то она не вызывает особых опасений.

В порядке личного моего совета: в стихах «Опять сверкая в бенгальских блёстках» не соединяйте в двух конечных строчках Северянина и А. Блока. Это несоединимо даже в противопоставлении. И ещё — «блоковский покой» никак не звучит. Скорей так — «блоковский непокой»! Приветствую с берегов Невы!

Вс . Рождественский.

13.04.1977 г.

Дорогой Юрий Андреевич!

Хорошо, что у Вас на столе появилось кое-что из стихов. А мне хотелось бы устроить Вашу подборку в «Неве».

Я уже вчерне закончил статью о Марине Цветаевой. Не очень надеюсь на то, что она подойдёт для «Библиотеки поэта», т.к. в процессе работы меня далеко занесло в сторону от академического шоссе. Центр тяжести переместился на анализ её стихотворного мастерства, т.е. как раз на то, о чём меньше всего заботятся, когда пишут о поэтах. Мне же так или иначе надо было определить место Цветаевой в общем развитии отечественной поэзии. Кроме того, меня всегда интересовало корневое русское начало её творчества.

Перечитал я попутно воспоминания её сестры Анастасии Ивановны (не в журнале, а в отдельной книге). До чего же талантливо написано! А.И. жива, бодра, собирается в мае ехать в Коктебель, где вообще бывает чуть ли не ежегодно. Мои дочери там общаются с нею.

В № 2 журнала «Октябрь» за текущий год есть воспоминания Н. Ильиной об А.А. Ахматовой, где есть — правда немного — и о Марине Цветаевой. Статья сама по себе любопытна.

Итак, жду что-либо из Ваших «нужных» стихов.

Вс. Рождественский.

Р. С. Моего помощника в редакции — он же референт по поэзии — зовут Игорь Владимирович Инов (в жизни — И.В. Иванов), филолог, кандидат наук и ещё немного поэт новаторско-вознесенского плана. Но стихи шлите на моё имя.

6 мая 1977 г.

Дорогой Юрий Андреевич!

Получил Ваше письмо с грустными известиями о Вашей жизни в настоящее время. От души сочувствую Вам и вполне понимаю трудность Вашего теперешнего положения. О Ваших стихах в «Неве» поговорим позднее. Получилось так, что сейчас не время: гл. редактор А.Ф. Попов только оправляется от тяжелой болезни, а его заместитель уехал в месячный отпуск. К тому же сейчас в редакции все ориентировано на большую юбилейную дату. Но мне думается, что в конце концов, из того, что было прислано ранее, и того, что поступило позднее, можно будет организовать хорошую подборку — на конец текущего года или начало следующего.

Не хочу больше говорить о делах, а возвращаюсь к тому, с чего начал.

Желаю Вам сил душевных, чтобы успешнее победить трудности сложившихся обстоятельств! Сердечно жму Вашу руку.

В. Рождественский.

8.6.1977 г.

Дорогой Юрий Андреевич!

Ваше письмо принесло грустные вести. Если в какой-то мере может Вам помочь моё искреннее сочувствие — примите его без дальнейших слов.

С Вашими стихами в «Неве», надеюсь, всё будет в порядке.

Вс. Рождественский

«Вертикаль. XXI век», Выпуск 15, 2006 г.

Публикация Н.А. Адриановой